

Москвитянин

1849 книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М82

М82 Москвитянин: 1849 книга 1 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 900 с.

ISBN 978-5-517-93356-0

Учёно-литературный журнал, выходивший в 1841-56 гг., сначала ежемесячный, с 1849 г. выходил два раза в месяц. Редактор - М.П. Погодин, ведущий критик - С.П. Шевырёв. В журнале сотрудничали синолог И. Бичурин, собиратель былин А. Ф. Гильфердинг, историк И.Е. Забелин, филологи И.И. Срезневский и Ф.И. Буслаев и др. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1849 года

ISBN 978-5-517-93356-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ставали втихомолку противъ разныхъ нововведеній, называли ихъ богопротивными; но никто не смѣлъ говорить объ этомъ вслухъ; времена мятежей прошли; Петръ Алексѣевичъ былъ уже не вторымъ Царемъ Русскимъ, а государемъ единодержавнымъ; не юношей неопытнымъ, но знаменитымъ побдителемъ Карла Двѣнадцатаго — этого вѣчнаго богатыря, передъ которымъ нѣкогда трепетала вся Европа. Не смотря однакожь на это, повидимому, спокойное состояніе Россіи, нельзя было не замѣтить, что въ ней происходило что-то необычайное: этотъ домашній ропотъ, который тихо разливался въ народѣ, это тревожное ожиданіе какихъ-то новыхъ и небывалыхъ перемѣнъ, волновали всѣ умы, и даже люди дальновидные и умные, начинавшіе уже понимать, чего желаетъ Государь Петръ Алексѣевичъ, шептали про себя, покачивая головами: «Дѣло-то дѣло! да крутенько онъ, батюшко нашъ, за него принимается.» И надобно сказать правду: мы едва-ли можемъ осуждать многихъ изъ современниковъ Петра Великаго за то, что они, если не дѣломъ, такъ мыслію, грѣшили, осуждая незнакомыя для нихъ дѣйствія этого необъятнаго, всеобъемлющаго генія, котораго и мы — вкусившіе уже отъ плодовъ имъ посѣянныхъ — не можемъ еще вполне оцѣнить.

Въ 1711 году, въ одну темную февральскую ночь, шагахъ въ двухъ-стахъ отъ Серпуховской дороги, въ богатомъ и большомъ селѣ Вздвиженскомъ, свѣтился огонекъ; его трудно было замѣтить проезжимъ людямъ, потому что погода была бурная, снѣгъ валилъ хлопьями и сильный вѣтеръ съ мятелицею бушевалъ въ чистомъ полѣ. Этотъ огонекъ свѣтился въ бревенчатомъ, крытомъ соломою, господскомъ домѣ, въ которомъ жилъ помѣщикъ или, вѣрнѣе сказать, *отчѣнникъ* села Вздвиженскаго, окольничій Максимъ Петровичъ Прокудинъ. Чтобъ провести какъ-нибудь время до ужина, Максимъ Петровичъ пріютясь въ самомъ тепломъ покоѣ своихъ барскихъ хоромъ, изволилъ забавляться въ шашки съ любимымъ своимъ челядинцемъ и дворецкимъ,

Прокофьемъ Кулагою. Максимъ Петровичъ сидѣлъ въ обитыхъ кожною широкихъ и спокойныхъ креслахъ; дворецкой лѣзшій кое-какъ на узенькой скамеечкѣ. Баринъ былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, дородный и видный собою, довольно пріятной наружности, съ окладистой темнорусой бороною, которая впрочемъ начинала уже мѣстами серебриться. Онъ былъ одѣтъ по домашнему, въ цвѣтной шелковой рубашкѣ съ косымъ воротомъ и покрытомъ узорчатой камкою калмыцкомъ тулупѣ, на распашку. Дворецкій былъ также человѣкъ не молодой, съ широкимъ рябымъ лицомъ, рѣдѣнкой бородкою и огромнымъ краснымъ носомъ. Сверхъ суконнаго кафтана съ козыремъ, на немъ надѣта была затасканная шелковая ферязь, съ оборванными петлицами, которую онъ только что удостоился получить съ барскаго плеча за свою усердную и вѣрную службу. У дверей покоя дремалъ, прислонясь къ стѣпѣ, длинный, неуклюжій дѣтина въ смуромъ кафтанѣ; онъ держалъ въ рукѣ жестяныя щипцы, въ родѣ тѣхъ, которыми и теперь еще употребляютъ по церквамъ; следовательно не трудно было отгадать, что главное занятіе парня состояло въ томъ, чтобъ снимать съ двухъ салныхъ огарковъ, которыми освѣщалась вся комната.

— Ну чтожь ты, Кулага? — сказалъ Максимъ Петровичъ, взглянувъ съ довольнымъ видомъ на своего дворецкаго: — или пришло въ тупикъ, что нѣкуда ступить? — Да полно, братецъ!.... Ходи какъ шибудь!

— А вотъ пойдемъ, батюшка, — промолвилъ дворецкій, подвигая впередъ шапку.

— Такъ ты вотъ какъ.... хорошо!.... а мы вотъ этакъ!.... Что, братъ, опять призадумался?

— Призадумаешься, батюшка, — прошептала Прокофій, почесывая затылокъ: — дѣло-то плоховато!.... Вишь она куда, озорница — въ доведи лѣзеть!.... Нечего дѣлать, пойду такъ.

— А я такъ.... Фу, батюшки! — промолвилъ Максимъ Петровичъ, посматривая на окны: — что это на дворъ-то?.... Господи Боже мой!

— Да, сударь, разыгралась погодка!

— То-то, чай, теперь въ полѣ — свѣту преставленье — и снѣгъ и мѣтель! а морозъ-то самъ по себѣ.... Ну чтожь ты, пошелъ чтоль?

— Пошелъ, батюшка.

— И я пошелъ. — Чу, слышишь, какъ воетъ вѣтеръ?... Охъ, дорожнымъ-то людямъ теперь.... помилуй Господи!

— Истинно такъ, батюшка Максимъ Петровичъ — бѣдовое дѣло!.... Собьешься съ дороги, заѣдешь въ сугробъ, да коли одежонка-то плохая, такъ и читай себѣ отходную.... Изволимъ ступить?

— Ступилъ.

— А коли ступилъ, такъ — не погнѣвайся, батюшка — фукъ!....

— Какъ такъ?... Пстой, пстой!.... За чтѣ ты взялъ мою шашку?....

— Не взялъ сударь, а фукнулъ.

— За чтѣ?....

— А за то, чтобъ она брала, коли ей приходится брать. Вотъ я двинулъ сюда мою шашку, а твоя стояла здѣсь — такъ ей приходилось брать назадъ.

— Такъ, такъ!.... Ну, нѣчего дѣлать — прозѣвай!.... А игра-то была какая богатая!.... Да пстой, любезный! Хоть ты у меня и фукнулъ шашку, а я все-таки прежде твоего въ доведяхъ буду.... Вотъ мы этакъ — пошла!

— А мы, сударь, вотъ эту тронемъ.

— Трогай себѣ, трогай.... а ужъ на выручку не поспѣешь.... Пошла дура!

— Изволимъ ступить?

— Ступилъ, братецъ!

— Такъ не прогнѣвайся, батюшка — фукъ!

— Какъ?... еще?... Тфу ты пропасть какая!... Да что это у меня, глаза-то въ затылкѣ чтоль?... Нѣтъ, не могу играть, не то въ головѣ.... Стѣпка!... Смотрика, Прокофій — смотри!... стоя спать!... Эй ты, болванъ!

Дѣтина, который дремалъ прислонясь къ стѣнѣ, вздрогнулъ и кинулся, какъ шальной, къ столу, чтобъ снять со свѣчей.

— Типе ты, дурачина! — закричалъ Максимъ Петровичъ. — Что ты бѣльмы-то выпучилъ, да лѣзешь словно угорьльый какой!... Полно полно!... погасишь!... Ну такъ и есть!... Эка уродина, подумаешь!... а ужъ борода ростеть!

— Да что ему борода, батюшка, — перервалъ дворецкій: — у него борода-то выросла, да ума не вынесла. Я ужъ тебѣ докладывалъ: чтѣ его держать во дворѣ: онъ и въ пастухи-то наврядъ годится.

— Эхъ, Прокофій, стыдно, братъ!... Ну кто говоритъ: сына не за чтѣ и хлѣбомъ кормить, да отецъ-то служилъ мнѣ тридцать лѣтъ вѣрой и правдою.... Эй ты, простофиля!... пойди, скажи.... Да нѣтъ — перевернешь, дуракъ!... Пошли Андрюшку.

Черезъ полминуты вошелъ въ комнату здоровый и рослый дѣтина лѣтъ тридцати; все платье его было въ снѣгу.

— Что ты это, братецъ? — спросилъ Максимъ Петровичъ: иль валялся по снѣгу?

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчалъ слуга: — я ходилъ сейчасъ на погребъ.

— И тебя этакъ занесло?... Ну, видно погода!

— Не приведи Господи, батюшка! и съ низу и съ верху мятѣть.

— Темно?

— Зги Божьей не видно.

— И холодно?

— Холодно, батюшка, сильно морозить.

— Ну, худо дѣло!... Отъ нашего села вплоть до самаго Шарапова вовсе жилья нѣтъ.

— Да, Максимъ Петровичъ, по большой дорогѣ нѣтъ.

— Вотъ то-то и дѣло! долго-ли до грѣха! Вѣдь на прошлой недѣлѣ подняли же проѣзжаго мужичка — замерзъ, бѣдняга; и добро бы еще въ полѣ, а то у насъ на задахъ. Послушай, Андрюшка: возьми съ собою кого-нибудь, ступайте за околицу, да поближе къ большой дорогѣ разведите огонь.

— Слушаю, батюшка!... Только вѣтеръ-то больно силепъ....

— И, полно, братецъ! вѣзанки двѣ сухихъ березовыхъ дровъ, да лучины побольше.... а огонь донесете въ фонарь... Ступай! Этакъ будетъ лучше, — продолжалъ Максимъ Петровичъ: — на огонекъ-то всякой поѣдетъ.

— Да, сударь, — сказалъ дворецкій, — коли лошадки не вовсе еще изъ мѣчи выбились. Чай теперь и большую дорогу занесло сугробами, такъ цѣликомъ-то далеко не уѣдешь. И то сказать: кого нелегкая понесетъ въ такую непогоду; вѣдь мятель-то началась еще засвѣтло.

— Ну, Прокофій, не говори! Русской человекъ на томъ стоять: ему все тринь-трава! Куда Нѣмецъ носа не покажетъ, а онъ туда ломить себя на удалую: авось дискать проѣду — Господь пронесетъ!

— Да, сударь, что правда, то правда. И я бывало, въ старину, хаживалъ чрезъ Оку по вешнему льду; изъ-подъ погъ вода брызжетъ, а тебѣ и горюшки мало. «Что, дискать, въ самомъ дѣлѣ: двухъ смертей не бываетъ!...» Чтожъ, батюшка: вѣдь мы еще игру-то не кончили — прикажешь?

— Нѣтъ, Прокофій, будетъ. Ужъ я тебѣ говорилъ: не то на умѣ.

— Ну какъ изволишь! — сказалъ дворецкій, вставая. — Да не погнѣвайся, батюшка, — примолвилъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени, — дозволю спросить: чтѣ это

тебя такъ тревожить?... Вотъ ты другой день все какъ будто бы задумываешься.... или эта грамотка, что прислалъ къ тебѣ вчера съ ходокомъ изъ Москвы пріятель твой, Лаврентій Никитичъ Рокотовъ?....

— Да, — перервалъ Максимъ Петровичъ, — хорошія получилъ я отъ него вѣсточка! есть чему порадоваться!....

— А что такое, батюшка?

— Худо, братъ Прокофій, больно худо!.... Мы здѣсь живемъ въ глуши, у насъ все по прежнему: тишь да гладь, да Божья благодать. А кабы ты зналъ, что на Москвѣ-то дѣлается....

— А что, сударь?... Неужели опять стрѣльцы завоились?

— Вотъ до глухова вѣсти дошли — стрѣльцы!.... Да объ этихъ мятежникахъ давно и рѣчи нѣтъ. Мы и преждего-то срама не переживемъ.... Помилуй, братецъ, кто шльче станетъ бунтовать противъ помазанника Божія?....

— Такъ чтожь, батюшка? ужъ не Шведъ-ли опять поднялся на святую Русь?

— Куда ему?... И король-то ихъ безъ вѣсти пропалъ; говорятъ, въ плъну у турскаго салтана.

— Такъ все-ли здорово въ Москвѣ?... Не моръ-ли батюшка?....

— Что морь! Господь казнить, Господь и помируетъ; а тамъ, глядишь, опять пойдутъ времена благодатныя.

— Да что жъ такое сударь?....

— А вотъ что, любезный, — продолжалъ Максимъ Петровичъ, понизивъ голосъ. — Мнѣ пишетъ Лаврентій Никитичъ, что нашъ православный Государь.... охъ, страшно вымолвить!.... нашъ батюшка Царь Петръ Алексѣевичъ.... совсѣмъ онѣмечился!

— Что ты говоришь, батюшка! — вскричалъ Прокофій. — Съ нами сила крестная!.... Да какъ это можетъ быть?

— Да, любезный! Онъ такіа дѣла затѣваетъ, что не приведи Господи!.... Хочеть, чтобъ мы перенимали все у Нѣмцовъ.

— У Нѣмцовъ?.... Вотъ еще!.... Чтѣ намъ у этихъ еретиковъ перенимать!... Да давно-ли этихъ поскудныхъ Нѣмцовъ и въ царскихъ-то указахъ позорнымъ именемъ называли?....

— Вотъ то-то и есть!.... А теперь посылають боярскихъ дѣтей въ еретичныя земли учиться нѣмецкимъ обычаямъ, хотять пась нарядить въ разнополые нѣмецкіе кафтаны.... обрить бороды....

— Обрить бороды! воскликнулъ Прокофій. — Нѣтъ, батюшка, ужъ этого-то никакъ нельзя! Въдь мы православные, а не басурманы какіе!

— Ну вотъ поди ты!....

— Да я хотъ сейчасъ голову на плаху!.... Господи Боже мой! и что это нашему батюшкѣ Петру Алексѣевичу дались эти Нѣмцы?.... Что они обошли чтоль его?

— Эхъ, Прокофій! Лиха бѣда поддаться демонской прелести, а тамъ все пойдетъ какъ по маслу. Вотъ кабы Государь не изволилъ ѣздить за море, такъ ничего бы не было, все осталось бы по прежнему; а теперь какъ онъ набрался нѣмецкаго духу, такъ и слышать ничего не хочеть. Да ужъ пускай бы помаленьку, не торопясь — мы бы старики свой вѣкъ отжили, а тамъ чтѣ Богъ велить!.... Ну можетъ статья, и въ самомъ дѣлѣ ссть что перенять у Нѣмцовъ.... Вотъ, примѣромъ сказать, хитрость ратную, корабельное плаваніе — то, другое; да это бы полегоньку, исподоволь.... а то вѣнь да положъ!.... Вчера нашъ братъ Русской и якшались съ Нѣмцемъ не хотѣлъ, а сегоднѣ ступай къ нему подъ началь.... Ну, да что объ этомъ! Выше лба уши не растутъ. И кабы мнѣ не было надобности ѣхать въ Москву, такъ я бы рукой махнулъ....

— А развѣ ты, батюшка, въ Москву собираешься?....

— Чтожъ дѣлать, братецъ : и не хочешь , да ѣдешь. Ты знаешь , что я мою племянницу, Ольгу , люблю какъ дочь родную....

— Какъ не знать , батюшка !... Да и кого же тебѣ любить ? Она сиротка, выросла на твоихъ рукахъ, а у тебя отъ покойной твоей сожительницы дѣтокъ не осталось. Да вѣдь ты изволилъ говорить, что Ольга Дмитриевна по веснѣ сама къ намъ сюда пожалуетъ.

— Нѣтъ , братъ , до весны-то далеко , а я теперь ее въ Москвѣ у моей дуры сестры ни зачѣмъ не оставляю. То-то бабы-то, подумаешь ! Подлинно правда , что у нихъ волосъ долоеъ , да умъ коротокъ. »Отпусти дискать , батюшка братецъ, племянницу ко мнѣ погостить! вѣдь она у тебя живеть въ захолустѣв , свѣту Божьяго не видитъ!» Вотъ тебѣ и отпустилъ !

— Такъ чтожъ, сударь?... Вѣдь сестрица твоя, Аграфена Петровна....

— Да, была когда-то баба путная — Русская барыня; а теперь хуже всякой Нѣмки стала.

— Какъ такъ ?

— А вотъ достанька тамъ за образами грамотку Лаврентія Никитича—я тебѣ прочту, чѣмъ онъ объ ней пишетъ.

Прокофій выпнулъ изъ-за образовъ довольно толстый свитокъ и подалъ его своему господину.

— Сначала-то — сказалъ Максимъ Петровичъ, развертывая длинный столбецъ — Лаврентій Никитичъ пишетъ ко мнѣ о прїѣздѣ Государя Петра Алексѣевича въ Москву, о новыхъ указахъ царскихъ, о посылкѣ дворянскихъ дѣтей въ Нѣмецину, о шутовскомъ нѣмецкомъ нарядѣ ; а вотъ здѣсь.... нѣтъ! это онъ пишетъ о своей меньшей дочери.... вотъ что : «Крестница твоя, Максимъ Петровичъ , Катюшка, «премного тебѣ челомъ бьетъ и твоего отеческаго благословенья проситъ. Она будетъ у насъ большая грамотница: друживаетъ теперь завтрению; а напряжь сего училъ

«Катюшку Макарка, нашъ приходской пономарь, и онъ, ку-тейникъ, меня обманывалъ : не доуча завтреди, часы на-чалъ учить. А нынѣ учить Катюшку Успенскаго собора «псаломщикъ, Григорій, и я ученьемъ его зѣло доволенъ. «Еще жъ, другъ сердечный, хотя мнѣ весьма прискорбно, го-ворить тебѣ объ этомъ, а дѣлать нѣчего, долженъ сказать: «сестрица твоя Аграфена Петровна и племянница Ольга Дми-«триевна свели дружбу съ Ягужинскими, а тѣ ихъ вовсе съ «толку сбили, и теперь о нихъ — не при тебѣ будь слово «сказано — идутъ такія непригожія рѣчи, что всѣ наши и «зпаться съ ними не хотятъ. Онъ изволятъ щеголять въ «какихъ-то заморскихъ фуру, повадились ѣздить въ Нѣмец-«кую Слободу, и даже говорятъ, что будто бы дошли до «такого окаянства, что на прошлой недѣль въ нѣмецкой «киркъ были.....» — Что, братъ Прокофій, каково?

— ь нѣмецкой киркѣ! — повторилъ Прокофій, вспле-снувъ руками.

— Слушай, слушай! — продолжалъ Максимъ Петро-вичъ. — «Сестрица твоя — и это я доподлинно знаю — «наняла двухъ Нѣмчинъ; у одного твоя племянница обу-«чается разнымъ еретичнымъ наукамъ и басурманскимъ на-«рѣчіямъ, а другой учить ее играть на какихъ-то кравиро-«цымбалдахъ — сирѣчь заморскихъ гуслихъ.....» Что, братъ Прокофій — а?.... Вижъ нашили какую гуслистку!.... Да слушай, слушай — то-ли еще будетъ!.... «Еще жъ скажу «тебѣ, другъ сердечной, что у насъ завелись въ Москвѣ бѣ-«совскія сходбища — они {прозываются асамблеями. Чаше «всего бѣвають эти асамблеи въ Нѣмецкой Слободѣ, у Гол-«ландскаго купца Гутфеля. Вотъ съѣдутся къ нему и наша «братья дворяне съ женами и дочерьми и всякая нѣмецкая «сволочь. И тутъ ужъ, любезный, не жди себѣ никакого «почета: что знатная барыня, что нѣмецкая кунчиха — все «едино: слдутъ онъ всѣ рядышкомъ; а этотъ чортовъ сынъ, «Гутфель, какъ бояринъ какой, учнетъ похаживать, да под-«скачивать сластями нашихъ барышень и своихъ Нѣмокъ; а тамъ «какъ сберется ихъ побольше, затрубятъ въ трубы, заигра-

«Ють на фюляхъ, молодые ребята-офицерики и Нѣмцы всякіе подлетятъ къ барышнямъ, разберутъ ихъ по рукамъ и пойдутъ пляски! начнется всякое требьсіе, шумъ, гамъ, веселье — ну ни дать, ни взять содомъ и гомора въ лицахъ. А дураки-то отцы и мужья, какъ будто бы не ихъ дѣло, заберутся въ особый покой, читаютъ куранты, играютъ въ шахматы, тлнутъ пиво, да вмѣстѣ съ старыми Нѣмцами табачнице жрутъ. И по этимъ-то сатанинскимъ игрищамъ Аграфена Петровна изволила всю зиму таскаться съ твоей племянницей, которая, слышалъ я стороною, познакомилась тамъ съ какимъ-то гвардейскимъ фенрикомъ — «сирѣчь прапорщикомъ, и говорятъ, будто бы этотъ фенрикъ очень за нею ухаживалъ.» — Ухаживалъ! слышишь, Кулага?

— Слышу, батюшка.

— Ну что, братъ, — продолжалъ Максимъ Петровичъ, переставъ читать: вхать-ли мнѣ въ Москву?

— Какъ не вхать, батюшка! Въдъ надобно же нашу барышню выручить изъ этого омота. И что это съ государыней Аграфеной Петровной сдѣлалось?....

— Воля, братецъ!.... Кути себя какъ хочешь: мужъ на службѣ царской въ Азовъ — Богъ вѣсть когда назадъ вернется. Правда, и онъ хорошъ!.... Чай радѣхонекъ, что жена его подружилась съ Ягужинскими: теперь дискать у меня рука есть!

— А я такъ, батюшка, очнуться не могу. Эко непотребство, подумаешь!.... Какой нибудь нѣмчура — чумичка проклятый! чай у себя дома-то булки пѣкъ, а теперь съ боярской дочерью, съ племянницей твоей, изволилъ поплясывать!.... Нахалы этикіе!.... Какъ ходу-то имъ не было, такъ небось, были тише воды, ниже травы; а какъ посадили ихъ за столъ, такъ они и ноги на столъ.

— Пстой-ка, пстой, Прокофій! — перервалъ Максимъ Петровичъ, вставал. — Чу!.... слышишь?.... никакъ ворота заскрипѣли?....